

ОПРЕДЕЛЕНИЕ
КОЛЛЕГИИ СУДЕЙ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА
КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

об отказе в принятии к производству обращения
Джолдошова Руслана Кенешевича

3 июля 2025 года

город Бишкек

Коллегия судей Конституционного суд Кыргызской Республики в составе: Дуйшеева К.А., Бобукеевой М.Р., Шаршеналиева Ж.А. при секретаре Сейдахматовой В.М., рассмотрев обращение Джолдошова Р.К.,

У С Т А Н О В И Л А:

В Конституционный суд Кыргызской Республики 30 мая 2025 года поступило ходатайство Джолдошова Р.К. о проверке соответствия пункта 7 части 1 статьи 27 Уголовно-процессуального кодекса Кыргызской Республики (далее – УПК) части 1 статьи 57 Конституции Кыргызской Республики.

Оспариваемая норма предусматривает, что уголовное дело не может быть возбуждено, а возбужденное подлежит прекращению в отношении умершего к моменту осуществления уголовного судопроизводства, за исключением случаев, когда производство по делу необходимо для его реабилитации либо для расследования в отношении других лиц.

Как следует из ходатайства и приложенных к нему материалов, в рамках уголовного дела, возбужденного против гражданина Кыргызской Республики Бай Си по признакам преступления, предусмотренного пунктом

2 части 2 и частью 3 статьи 204 Уголовного кодекса Кыргызской Республики (далее – УК). Потерпевшим по данному уголовному делу был признан гражданин Китайской Народной Республики Чен М.Ч.

В июле 2019 года в ходе досудебного производства по инициативе Бай Си ходатайство о заключении соглашения о признании вины было удовлетворено прокурором, и между сторонами было заключено соглашение. 11 июля 2019 года оно было утверждено постановлением следственного судьи Первомайского районного суда г. Бишкек. В соответствии с его условиями Бай Си признал свою вину и обязался возместить потерпевшему причиненный материальный ущерб. Впоследствии, до передачи уголовного дела с обвинительным актом в суд, Бай Си частично возместил потерпевшему материальный ущерб в размере 390 000 (триста девяносто тысяч) долларов США.

Однако в ходе судебного разбирательства 25 июля 2020 года Бай Си скончался. В связи с этим, 8 сентября 2020 года суд постановил прекратить уголовное дело в отношении Бай Си на основании оспариваемой нормы по нереабилитирующим основаниям.

Заявитель подчеркивает, что с момента подписания соглашения о признании вины и до прекращения уголовного дела не было представлено каких-либо документов, свидетельствующих об отказе Бай Си от признания вины в совершении преступления.

Вместе с тем, учитывая смерть Бай Си и тот факт, что в рамках соглашения о признании вины он обязался возместить материальный ущерб, из которого на момент прекращения уголовного преследования оставались невыплаченными 560 000 (пятьсот шестьдесят тысяч) долларов США, представители потерпевшего Чен М.Ч. обратились в Первомайский районный суд города Бишкек с исковым заявлением о взыскании указанной суммы с его наследников в порядке гражданского судопроизводства.

Как указывает заявитель, при первичном рассмотрении иска суд удовлетворил заявленные требования, а апелляционная инстанция оставила

решение без изменения. Однако впоследствии данные судебные акты были отменены судом кассационной инстанции со ссылкой на часть 1 статьи 57 Конституции, согласно которой виновность лица в совершении преступления может быть установлена только вступившим в законную силу приговором суда.

Учитывая, что в отношении Бай Си обвинительный приговор судом не выносился, а уголовное дело было прекращено в связи с его смертью, суд пришел к выводу об отсутствии законных оснований для взыскания оставшейся части материального ущерба с его наследников, несмотря на нереабилитирующий характер основания прекращения уголовного преследования.

Субъект обращения считает, что прекращение дела при наличии доказательств, подтверждающих причастность обвиняемого к совершению преступления, является нереабилитирующим основанием и влечет соответствующие правовые последствия. По его мнению, в таких случаях суд обязан разъяснить, что факт смерти обвиняемого не устраняет его обязательств по возмещению причиненного при жизни ущерба. Соответственно, заявитель считает, что такие обязательства переходят к его наследникам или правопреемникам в пределах стоимости принятого наследства, а потерпевший сохраняет право на защиту нарушенных имущественных интересов в порядке гражданского судопроизводства.

Кроме того, заявитель указывает, что нормы, содержащиеся в пункте 7 части 1 статьи 27 УПК (в редакции Закона от 2021 года), а также аналогичные положения, ранее закрепленные в пункте 7 части 1 статьи 26 УПК (в редакции 2017 года), предусматривают, что уголовное дело не может быть возбуждено, а возбужденное подлежит прекращению в отношении лица, умершего к моменту осуществления уголовного судопроизводства, за исключением случаев, когда производство необходимо для его реабилитации либо расследования в отношении других лиц. Вместе с тем заявитель считает, что такие положения не предоставляют потерпевшей стороне

процессуальной возможности предъявления требований о возмещении ущерба к наследникам умершего обвиняемого, несмотря на нереабилитирующий характер прекращения уголовного дела.

По мнению заявителя, вышеуказанная норма вступает в противоречие с частью 1 статьи 57 Конституции и потому подлежит признанию неконституционной. В существующей правоприменительной практике она фактически препятствует восстановлению нарушенных прав потерпевших и делает невозможным возмещение причиненного преступлением ущерба, даже в тех случаях, когда виновность умершего лица была подтверждена в рамках досудебного производства.

Заявитель подчеркивает, что в оспариваемую норму необходимо внести дополнения, отражающие указанные правовые последствия и обеспечивающие сохранение возможности защиты прав потерпевших. Отсутствие подобных последствий в законе, по его мнению, ведет к правовой неопределенности и нарушает баланс интересов сторон.

В связи с этим заявитель считает, что имеется прямая связь между изложенными обстоятельствами и нарушением прав физических лиц, признанных потерпевшими от преступления, включая их конституционное право на возмещение причиненного вреда.

Коллегия судей, изучив ходатайство Джолдошова Р.К., заслушав информацию судьи-докладчика Дуйшеева К.А., проводившего соответствующую проверку обращения, пришла к следующим выводам.

Конституционный суд в своих решениях неоднократно раскрывал конституционную норму, закрепленную в части 1 статьи 57 Конституции, согласно которой признание лица виновным в совершении преступления допускается лишь на основании вступившего в законную силу обвинительного приговора суда, вынесенного в порядке, установленном законом.

В частности, как указано в Решении Конституционного суда Кыргызской Республики от 3 мая 2023 года, а также в Постановлении о

разъяснении данного Решения от 11 июня 2025 года, которое является его неотъемлемой частью, суд, в силу своего высокого предназначения, является носителем особой власти и единственным органом, уполномоченным от имени государства установить виновность лица в совершении преступления путем вынесения соответствующего обвинительного приговора. Такая исключительная функция, прямо установленная Конституцией, не может быть возложена ни на один иной государственный орган при каких бы то ни было обстоятельствах.

Соответственно, конституционный принцип презумпции невиновности означает, что любые выводы следователя, органа дознания или прокурора о виновности лица, в отношении которого завершено досудебное производство, не имеют для суда обязательной силы и не могут порождать юридических последствий, приравняемых к приговору. Как следствие, любые юридически значимые последствия, включая возникновение или прекращение материальных прав и обязанностей, в том числе обязательств по возмещению ущерба, и иных форм ответственности, переходящих к наследникам, допустимы лишь при условии, что факт виновности установлен вступившим в законную силу обвинительным приговором суда.

Конституционный суд подчеркнул, что исключительно такой приговор обладает такими свойствами, как неопровержимость, исключительность, обязательность, преюдициальность, исполнимость и неизменность. Именно эти свойства обеспечивают правовую определенность и устойчивость судебной практики, и только при их наличии возможны последствия, затрагивающие конституционно-охраняемые права сторон.

Более того, Конституционный суд в вышеуказанных актах прямо указал, что в случае смерти обвиняемого, если установление его виновности необходимо для наступления юридических последствий, связанных с разрешением других вопросов, уголовное дело не подлежит прекращению и должно быть направлено в суд для постановления приговора. Такая позиция была изложена, в частности, при рассмотрении дела об обязательном

государственном страховании военнослужащих.

Коллегия судей подчеркивает, что правовые позиции Конституционного суда не ограничиваются исключительно рамками конкретного дела, по которому принято решение. Их действие распространяется не только на те обстоятельства и юридические коллизии, которые легли в основу соответствующего обращения, но и на все аналогичные по существу правоотношения, независимо от времени их возникновения и круга участников. Такая природа правовых позиций обусловлена публично-правовым характером конституционного судопроизводства и особым местом Конституционного суда в системе органов государственной власти.

В этой связи данная правовая позиция в полной мере применима к рассматриваемой ситуации, в которой возмещение ущерба возможно исключительно при наличии вступившего в законную силу обвинительного приговора. Соответственно, прекращение уголовного дела в указанном случае не допускается.

Вместе с тем, в отмеченном постановлении также указано разрешения подобных дел, если, несмотря на установленный запрет, уголовное дело по указанным выше основаниям было прекращено в силу различных причин, оно подлежит возобновлению по мотивированному заявлению лица, заинтересованного в доведении дела до судебного рассмотрения по существу и постановлении судебного приговора. В заявлении должны быть приведены обоснования и подтверждения того, что наличие судебного приговора необходимо для разрешения иного дела, а также указана существенная взаимосвязь между ними.

При этом, в зависимости от стадии, на которой было прекращено уголовное дело, заявление подается в орган или суд, принявший соответствующее решение. В случае, если законность прекращения дела была подтверждена судебным актом следственного судьи, заявление подается в суд в порядке, установленном уголовно-процессуальным

законодательством.

Также коллегия судей указывает, что отсутствие формального внесения изменений в УПК не освобождает правоприменителей от обязанности строго следовать правовым позициям Конституционного суда, изложенным в них. Игнорирование таких позиций нарушает принцип верховенства Конституции и единообразия правоприменительной практики, подрывает доверие к правосудию и нарушает принцип верховенства и прямого действия Конституции.

Таким образом, правовые позиции, выраженные Конституционным судом в Решении от 3 мая 2023 года и Постановлении от 11 июня 2025 года, представляют собой не только юридически обязательные установки для правоприменительной практики, но и системообразующий фактор укрепления конституционного правопорядка.

На основании вышеизложенного, руководствуясь частью 2, пунктом 5 части 3, частью 5 статьи 30 конституционного Закона Кыргызской Республики «О Конституционном суде Кыргызской Республики», коллегия судей Конституционного суда Кыргызской Республики

О П Р Е Д Е Л И Л А:

1. Отказать в принятии к производству ходатайство Джолдошова Руслана Кенешевича о проверке конституционности пункта 7 части 1 статьи 27 Уголовно-процессуального кодекса Кыргызской Республики, части 1 статьи 57 Конституции Кыргызской Республики.
2. Возвратить представленные материалы заявителю.
3. Настоящее определение может быть обжаловано в Конституционный суд Кыргызской Республики в течение трех месяцев.

Коллегия судей:

К.А. Дуйшеев

М.Р. Бобукеева

Ж.А. Шаршеналиев

№ 10-о